

Михаил Михайлович Филиппов
Готхольд Эфраим Лессинг. Его
жизнь и литературная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175451

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Михаил Михайлович Филиппов Готхольд Эфраим Лессинг. Его жизнь и литературная деятельность

*Биографический очерк М. М. Филиппова с портретом Лессинга
гравированным в Лейпциге Геданом*

Глава I

Происхождение. – Детские годы. – Жизнь в Каменце. – Пребывание в Афранеуме.

Едва ли можно считать чистой случайностью то обстоятельство, что в жилах реформатора немецкой литературы была значительная примесь чужой, а именно славянской, крови. Это – не первый пример выгодного последствия смешения рас: достаточно вспомнить о происхождении Пушкина. В последнее время некоторые немецкие биографы Лессинга старались доказать его чисто тевтонское происхождение; но эти попытки так же неосновательны, как и стремление антисемитов найти в числе предков Лессинга евреев, – конечно, с целью доказать, что в основе его взглядов на еврейский вопрос лежали чисто расовые симпатии, а не высшее начало человечности.

Лессинг родился в местности, где древний славянский элемент до сих пор еще не вытеснен германским. Имя «Лессинг» есть просто переделка верхнелужицкого названия «Лесник», – этимология настолько же ясна, как и славянское происхождение имени Каменец, или Каменц – название небольшого городка, в котором прошло детство Лессинга.

Впрочем, лужицкие предки Лессинга, «Лесники», несомненно, онемечились еще в начале XV века, когда они уже писались на немецкий лад – Лессигками (Lessigk). В конце XVI столетия некий Клеменс Лессигк был лютеранским священником. Один из его сыновей, писавший свою фамилию *Лессинг*, был довольно известным богословом. Дед знаменитого Лессинга, Теофил, известен своею педагогическою деятельностью и – что еще более замечательно по отношению к внуку – составил себе имя защитой диссертации в пользу религиозной терпимости. Вообще, несомненно, что наследственность в мужском колене играла значительную роль в умственной жизни Лессинга. Отец его, Иоганн Готфрид, отличался довольно обширными познаниями в области истории и филологии, знал восточные языки, а также английский и французский, особенно же усердно занимался в Виттенбергском университете богословием и философией. Его латинское сочинение в защиту реформации Лютера сразу упрочило его репутацию, и Иоганн Готфрид получил приглашение в качестве «проповедника и катехизатора». Его звали в родной Каменец. Это приглашение показалось отцу Лессинга «внушением свыше», и он отказался от мысли о профессорской кафедре. В 1724 году он стал диаконом, в 1725-м – женился на дочери своего предместника, пастора Феллера. Плодом этого брака были десять сыновей и одна дочь. Прославившийся впоследствии Готхольд Эфраим был вторым сыном.

О родителях Лессинга мы имеем сведения, идущие из довольно тенденциозного источника – известной биографии знаменитого писателя, составленной его братом Карлом. Несомненно, что отцу Лессинг более обязан, чем матери, которая не передала сыну даже своего характера. По умственному складу Лессинг значительно напоминает отца, конечно, с огромной примесью индивидуальных черт. Во всяком случае, Лессинг отличается от многих великих людей, походивших на своих матерей.

Писательский талант Лессинга-отца не подлежит сомнению. Его сын Карл приводит названия 14 выдающихся богословских сочинений отца, не считая четырех томов переводов, в числе которых находятся переводы трех богословских трактатов Тиллотсона. По своему миросозерцанию отец великого Лессинга приближается к английским деистам. Он является открытым врагом религиозной нетерпимости и духа преследования, но в то же время жалуется на «бесстыдную дерзость неверия», которое, по его словам, «граничит с суеверием». Он верит в научный прогресс, но сокрушается о том, что «успехи наук не сопровождаются успехами нравов». При всем различии его взглядов с убеждениями его сына, слог отца иногда достигает силы и гибкости, напоминающей великого Лессинга. Даже приемы аргументации иногда сходны у отца и сына. Так, например, отец Лессинга пишет: «Историческая

правда подобна глазу, который не выносит ни малейшей соринки. Самая мелочная специальная поправка имеет поэтому значение и служит интересам истины. Но кто придает огромную цену одним только мелочам, тот похож на карлика, взобравшегося на спину великана». Кто не узнает в этом манеру великого критика, который часто начинал с предмета, на вид маловажного, но тотчас же давал вопросу широкую и общую постановку и никогда не смешивал мелкое с важным?

Несомненно, однако, что резкие индивидуальные черты у Лессинга проявились очень рано. условия, в которых он провел детство, были не блестящи. Готхольд Эфраим Лессинг родился 22 января (нового стиля) 1729 года в Каменце. Мать воспитывала его в духе лютеранского благочестия и послушания. О религиозном воспитании маленького Лессинга заботились много, – быть может, даже слишком много. «Он еще едва умел лепетать, а его заставляли молиться», – пишет его брат Карл. Отец был его первым учителем, и Карл Лессинг сообщает о брате следующее удивительное сведение: «На четвертом и пятом году он уже знал (?!), во что, почему и как он должен верить». Пятилетний богослов умел уже читать: для чтения ему давали Библию и катехизис.

Материальные обстоятельства родителей Лессинга всегда были неважными, но в раннем детстве мальчик еще не понимал своей бедности. При дешевизне жизни в маленьком городке неудивительно, что дети были сыты и одеты. Родители Лессинга баловали сына, насколько это не противоречило их понятиям о воспитании. Они не поскупились даже заказать доморощенному живописцу Габеркорну портрет мальчика красками. Художник хотел изобразить маленького Лессинга с птичкой в клетке, но ребенок обиделся и потребовал, чтобы его нарисовали «с большою-пребольшою кучею книг». Это желание было исполнено.

По смерти деда Лессинга (по матери) отец занял его место, то есть стал из дьякона пастором и переселился в местность, почти сплошь населенную лужичанами, которых немцы называют вендами. Одна из сестер Лессинга-отца была даже замужем за вендом. Из этого видно, что родственники Лессинга не разделяли взглядов тех его биографов, которые отрицают его славянское происхождение лишь потому, что смотрят на всех славян, и особенно на лужичан, как на низшую расу.

Со времени переселения отца в пасторский дом Лессинг стал учиться более серьезно. Отец по-прежнему обучал его закону Божию, – но, кроме того, у него был учитель для светских предметов; наконец, мальчик брал уроки рисования у вышеупомянутого живописца Габеркорна. По отзыву этого учителя, из Лессинга мог бы выйти «порядочный и даже ученый художник».

Родители Лессинга мечтали только о том, чтобы из него вышел хороший пастор, и с этою целью желали отдать его в гимназию и подготовить к университетскому курсу. Лессингу шел восьмой год, когда отец стал хлопотать, чтобы саксонский курфюрст позволил принять мальчика в Афранеум – известную в то время среднюю школу. Отец рассчитывал лишь на своекоштное место, но результаты испытания показали, что мальчик знал более, нежели его старшие конкуренты, вследствие чего было решено при первой вакансии зачислить Лессинга в стипендиаты.

С целью дать сыну более солидную подготовку перед поступлением в Афранеум отец отдал его в Каменце в латинскую школу, открытую молодым виттенбергским магистром Гейницем, человеком чуждым обычного в то время педантизма. Гейниц даже навлек на себя неудовольствие богословов своими резкими статьями «О педантизме», «О легковерии», «О влиянии родителей на судьбу детей» и другими. Более того, Гейниц завел у себя в школе театральные представления. Это показалось крайне неприличным даже сравнительно передовому богослову, каким был отец Лессинга, и между ним и магистром произошел открытый разрыв. Вскоре после этого Гейниц, вследствие направленных против него интриг, в которых участвовал и отец Лессинга, должен был оставить Каменец. Его провожали искренние

сожаления учеников, в числе которых был Христлоб Милиус, в то время лейпцигский студент, а впоследствии близкий друг Лессинга. Милиус даже написал в честь учителя поэму александрийским стихом, в которой воспел «ученого, ненавидимого грубою толпою».

Только в июне 1740 года магистр Грабнер, ректор Афранеума, сообщил, наконец, отцу Лессинга, что для сына его открывается вакансия, на которую он был принят лишь в следующем году, в двенадцатилетнем возрасте. К приемному экзамену Лессинга готовил пастор Линднер, который, между прочим, ввел мальчика в дом суперинтенданта Клоца. Маленький сын этого Клоца был впоследствии профессором в Галле и в качестве отъявленного врага Лессинга играл немалую роль в его жизни.

Школа Св. Афра в Мейссене, куда поступил Лессинг, была преобразована из «певческой и монастырской школы» еще Морицем Саксонским и сохраняла надпись, гласившую, что она посвящена «Христу и Наукам». Мальчик был сразу принят в 11-ю декурию, то есть, по-нашему, во второе полугодие первого класса, и, по тогдашнему обычаю, ему был надет парик. Порядки в школе были строгие: дети вставали в половине пятого, умывались во дворе, из колодца, сами чистили себе платья и сапоги. По воскресеньям в течение восьми часов надо было сидеть в церкви. Курение и некоторые игры (карты, кости) были строжайше воспрещены под страхом исключения; кегли и шахматы позволялись. О правильных физических упражнениях не было и помину, прогулки также занимали немного времени. В школе менее всего соблюдалась гигиена: ученики постоянно жаловались на то, что оловянная посуда никогда не моется. Старшие ученики дежурили в роли «столовых надзирателей», но и они часто отделялись от жалобщиков лакомствами и даже денежными взятками. Под предлогом развития прилежания учеников их не столько обучали, сколько заставляли учиться вне классов, на что было, кроме обычных часов, посвящено еще особых 60 дней в году. Каникул не полагалось.

Преподавание имело классический, или, точнее, лжеклассический характер. Из 32 часов в неделю 15 отводилось на латинский язык. Даже закон Божий, включая катехизис Лютера, преподавался по-латыни, – курьез, который удивил бы самого Лютера. Греческий язык изучался не по лучшим образцам, а по грамматике Галле и тексту Нового Завета. Французский язык, арифметика и история были запущены, а география изучалась лишь как приращение к истории. Что касается немецкого языка, то им занимались только при переводах с латинского, обращая внимание на так называемую «чистоту» слога; в младших классах, сверх того, писали канцелярским слогом письма к родственникам, а в старших – иногда сочиняли речи.

Курс состоял собственно из 12 декуррий, или 6 классов, но особенно способным ученикам дозволялось сократить его на год. После первого же экзамена можно было предвидеть, что Лессинг попадет в число счастливых.

О времени пребывания Лессинга в школе сохранились весьма любопытные документы, а именно – официальные отзывы, или так называемые «цензуры», составленные о нем его преподавателями. Из этих «цензур» мы узнаём, что он имел «миловидную и приятную внешность», отличался «упрямством и дерзостью», имел «отличные способности и прилежание», «острый ум и замечательную память», «пытливый и разносторонний ум, слишком, однако, раздробляющий свои силы».

Известны и некоторые факты, дополняющие эти характеристики. За особые успехи Лессинг вскоре был освобожден от платы за учение. 14-ти лет от роду он считал себя уже философом и даже вздумал поучать своего отца, который при всяком удобном случае выражал мнение, что с каждым годом мир становится все хуже. Юный философ имел более оптимистические взгляды, которые выразил в длиннейшей поздравительной речи, отправленной им отцу по случаю наступления 1743 года. Речь эта написана на тему: «О равенстве одного года другому». Несмотря на соединение в ней ребяческого задора с усвоенными в

школе мнимофилософскими приемами, эта речь любопытна как первая проба пера будущего великого писателя. Аргументация мальчика-философа довольно искусна и порою остроумна, слог можно назвать даже чистым по сравнению с тем, как тогда писали не только ученики, но и учителя. Лессинг старается разоблачить заблуждение «древних поэтов и мудрецов». «Их хваленый золотой век, – пишет Лессинг, – есть чистое создание воображения. Мы должны поверить, что тщеславные и испорченные люди, не имевшие никаких законов, служащих духовным двигателем всех человеческих обществ, жили мудро, добродетельно и счастливо. Возможно ли это? Мы должны позволить убедить себя, что глубокое невежество, грубый образ жизни, дикие нравы, беспечная и ленивая праздность, необработанные поля и сады, обширные пустыни, жалкие хижины и пещеры, нагие тела, суровая и грубая пища, отсутствие всяких связей, удобств и удовольствий – являются истинными признаками счастливейшего времени!» Подобные мнения Лессинг называет «ребяческими предрассудками и противными заблуждениями». Со своей стороны, он пытается доказать, что каждый год не только в математическом, но и в естественноисторическом и нравственном отношении совершенно равен другому, то есть нисколько не хуже и не лучше. Доказательства совершенно во вкусе тогдашней школьной философии. Бог создал мир совершенным, а поэтому в мире не может произойти никаких существенных перемен; стало быть, один год не может существенно отличаться от другого. Юный автор не замечает, что это положение противоречит его же собственным резким отзывам о первобытном состоянии, идеализированном древними под названием «золотой век», и переходит на мнимообъективную точку зрения, для которой все существующее совершенно только потому, что оно существует. Человеческая природа, говорит он, никогда не изменялась в своих основных чертах; не изменялись и главные (окружающие) условия, которые, по мнению юного Лессинга, теперь те же, что и пять тысяч лет тому назад. У человека та же душа, то же тело, та же воля, те же главные склонности, недостатки и достоинства, что и во времена Адама. Приняв эти положения, конечно, нетрудно доказать, что каждый год совершенно подобен своему предшественнику. Но юный автор не довольствуется этим и в конце своей диссертации уже прямо обращается к отцу, намекая на то, что и отец разделяет «глупый предрассудок», и взывая к его благочестию, воспрещающему роптать. Курьезнее всего заключение, в котором Лессинг – совершенно в духе своей теории – обещает отцу и в этом году «равную благодарность, равное почтение и равное послушание» по сравнению с минувшим годом и уверяет, что таким образом и он, и отец увидят на деле, что они живут в золотом веке, когда каждый год должен быть равен другому. Несколько лет спустя Лессинг мог убедиться на личном опыте в ошибочности своей детской теории и в невозможности сохранить по отношению к отцу всегда равное «послушание».

Из школьных учителей Лессинга следует назвать кон-ректора Гере (Höre) – собственно, потому, что педантизм этого педагога вызвал в уме Лессинга сильную реакцию против школьного педантизма вообще. Даже по чересчур снисходительному отзыву брата Лессинга, Карла, Гере был «вполне филолог и примерно набожный человек, ничего, однако, не знавший обо всем остальном на свете». На самом деле это был тщеславный педант, имевший к тому же слабость к стихоплетству. Впоследствии, будучи уже студентом, Лессинг писал отцу, что считает особенно счастливым того юношу, который, находясь под влиянием подобных учителей, своевременно научится различать полезные знания от бесполезных. О себе он пишет, что еще на школьной скамье он понял, что многое из того, чему обучают в школах, равно ни к чему не пригодно.

Сравнительно лучшими учителями в Афранеуме были ректор Грабнер, преподававший латынь и философию, и математик Климм, участвовавший в издании сочинений Кеплера и получивший приглашение в Санкт-Петербургскую академию наук, которое он, однако, отклонил. Влияние Климма на Лессинга было весьма полезным противодействием окру-

жающему узкому классицизму. Климм утверждал, что «ученый, не знающий философии и математики, знает не больше невежды». Еще смелее для того времени было его утверждение, что «все языки, не исключая древних, должны считаться только средствами для достижения знаний, а не целью». Под влиянием Климма Лессинг стал серьезно заниматься математикой, которую раньше пренебрегал, и даже перевел несколько книг Евклида. Вместе с тем он изучает классических писателей – не с грамматической точки зрения, а потому, что восхищался их поэтическими красотами. Гомер, Анакреон, Плавт, Теренций и отчасти Феофраст стали его любимыми авторами. Под влиянием Анакреона Лессинг пишет свои первые лирические опыты, Плавт и Теренций были его первыми учителями в области драматургии. Он так увлекся новыми занятиями, что забыл даже написать заданную латинскую речь, за что подвергся порицанию школьного начальства. Школьная латынь, несносные занятия латинским стихосложением стали претить ему уже в 1745 году. Лессинг осаждаёт отца просьбами поскорее взять его из школы. К этому времени относятся первые поэтические попытки Лессинга. Кроме Анакреона, он подражает в лирике Глейму и Ланге. Затворническая жизнь в Афранеуме познакомила Лессинга лишь с одним типом – школьного педанта. На себе самом Лессинг испытал, как легко усвоить карикатурные приемы мнимой учености. Его собственное поздравительное письмо, о котором было упомянуто, еще насквозь пропитано педантизмом. Как только Лессинг стал относиться более сознательно к предлагаемой ему умственной пище, смешная сторона школьной учености стала для него очевидна, и у него появилась мысль написать комедию. Сам Лессинг пишет о своей комедии, озаглавленной «Молодой ученый», следующее: «Это был единственный сорт дураков, который мне еще в то время должен был стать весьма знакомым. Я вырос посреди этой мерзости; удивительно ли, что мое первое сатирическое оружие обратилось в эту сторону?» Первые наброски комедии, в виде отдельных сцен, были сделаны Лессингом еще весной 1745 года, когда, по случаю праздников, он гостил в родительском доме. В окончательной форме комедия появилась лишь два года спустя, когда он был уже лейпцигским студентом. Эта комедия имеет южное биографическое значение: она является выражением внутреннего переворота, освободившего Лессинга от плесени, которая пристала к нему в Афранеуме. «Комедия научила меня познать самого себя», – говорит Лессинг. Вместе с тем у него понемногу стало развиваться художественное чутье. Так, еще в школе, увлекшись астрономическими сведениями, сообщенными ему математиком Климмом, Лессинг пытался изобразить в поэтической форме теории Уистона и Гюйгенса. Взяв себе образцом швейцарского Галлера, он стал писать поэму александрийским стихом, но стоило ему прочесть беседы Фонтенеля о многочисленности миров – и собственные поэтические упражнения показались ему настолько бедными по сравнению с прозой Фонтенеля, что Лессингу стало стыдно перед самим собою. К этой эпохе жизни Лессинга относится любопытная «цензура», написанная о нем ректором школы, Грабнером. По словам ректора, нет «ни единой области знания, на которую не набрасывался бы его пытливый дух, но ему надо часто напоминать, чтобы он не раздроблял своих сил».

Между тем мирная школьная жизнь внезапно была нарушена. Фридрих II начал против Марии Терезии вторую войну, внезапно напал на союзных Австрии саксонцев в Лужице (Лаузиц) и 9 декабря 1745 года подступил к Мейссену. Воспитанники Афранеума, услышав выстрелы, попрятались в столовой; впрочем, школа осталась невредимой и пруссаки ограничились тем, что ограбили квартиры учителей, в том числе и злополучного педанта, конректора Гёре. Весною следующего года Лессинг написал стихотворение, посвященное подполковнику Ф. Карловичу, в котором описывал эти события в высокопарном тоне псевдоклассических поэм:

«Кто счастливцев, избежавший в то время несчастья, сковавшего сердце каждого саксонца тяжкими узами? Только нас, находившихся на священном холме Афры, охранял даже

враг под крыльями своего орла. Город, лежащий под нами в узкой долине, был взят, побежденный частью голодом, частью неприятелем. То, чего не дали, было дерзко взято; что не было употреблено, то испортили, сожгли, исковеркали. Мы смотрели на эти бедствия с невозмутимым спокойствием, с состраданием, но без боязни испытать подобное. Свирепый рев кровожадных солдат оставил только нас в покое».

Биографы Лессинга утверждают, что это странное послание было написано юношей по внушению отца, который хотел угодить прусскому подполковнику. Это подтверждается и письмом самого Лессинга к отцу. Лессинг выражает здесь сожаление о том, что, повинуясь отцу, сочинил подобное послание, и говорит, что «не имеет ни малейшей охоты еще раз заняться подобным предметом». Вместе с тем он повторяет просьбу опять взять его поскорее из школы. Отец исполнил эту просьбу не прежде, чем получил от ректора следующий отзыв о сыне: «Это конь, требующий двойного корма, уроки, которые для других слишком трудны, для него легки, как перышко. Для нас он уже почти не годится».

30 июня 1746 года Лессинг прочитал в Афранеуме свою прощальную речь о математике у неклассических народов (*De mathematica barbarorum*). Но главное, что интересовало его уже в то время, – была драма. Отец и не подозревал о склонностях сына и был твердо уверен, что сын сделается богословом. С этой целью он даже выхлопотал сыну стипендию от города Каменца.

Глава II

Университетские годы в Лейпциге. – Первые драматические опыты.

Подобно большей части выдающихся умов, Лессинг нелегко мирился с предписанными правилами и программами. Неудивительно, что учителя и родители обвиняли Лессинга в том, что он слишком «разбрасывается». О какой-либо определенной торной дороге он и не думал. Жадно стремясь к знанию, он преследовал чисто Идеальную цель – самоусовершенствование. Вскоре по выходе из школы Лессинг уже явно сознавал, что из него не выйдет ни богослов, ни педагог. Богословский догматизм был слишком чужд его критическому духу; педагогическая деятельность не привлекала его, – тем более, что для Лессинга «педагог» значило «педант». Да и вообще ему и в голову не приходило считать науку средством для добывания заработка. Он прежде всего стремился освободиться от оков классического формализма и, при посредстве науки, познать мир и жизнь. Естествознание стояло в то время в германских университетах на чересчур низкой ступени и было уж слишком чуждо его прежним занятиям; математика, к которой Лессинг имел некоторые способности, была чересчур абстрактна для его ума, постоянно стремившегося к эстетическому познанию. На первый раз Лессинг удовольствовался поэтому приобретением истинного классического образования, то есть сознательным изучением классической древности, по преимуществу – с эстетической точки зрения. Из лейпцигских профессоров более всего привлекали Лессинга Христ и Эрнести. Первый обладал умом, до некоторой степени родственным уму Лессинга. Христ много путешествовал, вращался в хорошем обществе и соединял обширные знания по новейшей литературе и искусству с талантом живописца. Он был искусный гравёр и составил богатое собрание картин и других произведений искусства. В лекциях по литературе он делал важные указания на историю искусств; его *Notes academicae* изобилуют ценными выводами; слог сочинений Христа отличается остроумием, беспощадностью анализа и «умением взять исходной точкой обстоятельство, на вид маловажное». Второй профессор, Эрнести, читавший о греческих поэтах и римских древностях, отличался чисто немецким качеством – основательностью и приучил Лессинга к точности и строгости доказательств.

Совершенно обратное, чисто отрицательное значение имел для Лессинга пресловутый Готтшед – настоящий гений бездарности, читавший лекции о «поэтике по правилу здоровой критики». Эти лекции, при всей бездарности изложения, представляли, сверх того, плагиат из посредственной книжки, которую Лессинг успел прочесть еще до поступления в университет.

Университетские занятия и лекции любимых профессоров не удовлетворяли Лессинга. По его собственным словам, он понял, что книги могут научить чему-нибудь, но никого не сделают человеком. Сравнивая себя со сверстниками, восемнадцатилетний Лессинг остался недоволен даже своею наружностью. Ему было стыдно своей неуклюжести и неловкости, заставлявших его избегать общества, чтобы не показаться смешным.

Лессинг стал учиться фехтованию, танцам и верховой езде и вскоре удивил всех своими успехами в этой области. Став более ловким, он приобрел некоторую светскость и даже изящество манер и начал чаще появляться у товарищей и знакомых.

Но более всего его привлекал театр.

Состояние тогдашнего немецкого сценического искусства было более чем жалкое. В театре безраздельно господствовали французы, которым покровительствовал основатель прусского военного могущества – Фридрих II. По счастливому случаю, как раз во время пребывания Лессинга в Лейпцигском университете в Лейпциге находилась труппа талантливой антрепренерши и актрисы Нейбер. Быть может, позднейшие восторженные отзывы

Лессинга несколько преувеличены, – но все же несомненно, что труппа г-жи Нейбер была в то время лучшая в Германии. Немецкой драмы еще не существовало, а поэтому давались переводные драмы и комедии в переводах с французского, английского и даже датского.

Из товарищей по университету Лессинг особенно сблизился с Вейссе, который разделял его пристрастие к театру, и с Милиусом. Последний, старше Лессинга, был его земляком по Каменцу, где успел себе составить репутацию крайнего вольнодумца: выше уже упомянуто, что он написал стихи в честь учителя, пользовавшегося у родителей Лессинга и во всем городе дурною славой. Милиус был человек не без способностей, с разносторонними познаниями по медицине, математическим и естественным наукам, – но при этом крайне беспорядочный и в науке, и в обыденной жизни. Сплетники уверяли, что он ходит в порванном платье и стоптанных ботинках, никогда не причесывается и тому подобное. Все это было преувеличением, и Лессинг не только не обращал внимания на сплетни, но, по естественной реакции, не замечал даже действительных недостатков своего друга. Милиус немало способствовал тому, что Лессинг уже на девятнадцатом году решился «печататься», выступив в основанных тем же Милиусом газетках.

Первыми появившимися в печати опытами Лессинга были шуточные стихотворения, рассказы и, наконец, довольно плохая комедийка «Дамон, или Истинная дружба», в которой нет ни малейшего знания людей, ни достаточного знакомства со сценой; в ней даже трудно усмотреть признаки драматического таланта, какие проявляются, например, в самых первых произведениях Шекспира и Шиллера. Талант Лессинга был совсем иного рода. В нем нет мощной непосредственности; для полного обнаружения он требовал значительного подготовительного развития посредством изучения иностранных образцов, критического отношения к ним и к самому себе. К Лессингу менее всего применима теория так называемого «бессознательного творчества». В области драмы он был таким же сознательным реформатором, как и в области художественной критики, и каждый новый его шаг был глубоко продуман. Первые его драматические опыты, в которых еще так много наивного, уже до некоторой степени характеризуют манеру Лессинга, который во всяком своем произведении преследовал какую-либо нравственную цель. По счастью, склонность к реализму и острый критический ум на первых же порах избавили Лессинга от увлечения высокопарным и комически плаксивым тоном тогдашнего «гения» Клопштока. Лессинг, еще будучи студентом, не боялся писать эпиграммы на автора «Мессиады», которого его соотечественники ставили выше Мильтона. Эпиграмма, поставленная им самим во главе своих сочинений, принадлежит к числу самых метких, когда-либо вышедших из-под пера Лессинга:

«Кто не хвалит Клопштока? Но всякий ли его читает? Нет. Мы желаем, чтобы нас меньше превозносили, но прилежнее читали».

Еще резче другая, относящаяся к Клопштоку эпиграмма «Auf einen gewissen Dichter»¹, в которой сказано, что «его поют столь многие посредственные певцы, его прославляют столь многие темные судьи, ему подражает так много дураков... пение, восхищающее лягушку, сидящую в болоте, – это пение, конечно, должно быть кваканьем».

Если таков был приговор Лессинга Клопштоку, то можно себе представить, как он судил о стихотворных упражнениях своего профессора Готтшеда!

Врожденный и частью воспитанный классическими авторами вкус Лессинга значительно развился вследствие ознакомления с естествознанием и философией. Лессинг усердно посещал лекции по ботанике и химии; одно время даже думал посвятить себя изучению медицины. В то же время он самостоятельно изучал философов, особенно немецкие сочинения Вольфа, и сблизился с профессором Кестнером, замечательным для своего вре-

¹ «На известного поэта» (нем.). Здесь и далее простой звездочкой отмечены примечания редакторов данного издания, а звездочкой со скобкой – примечания автора.

мени математиком, который относился к математическому знанию с историко-философской точки зрения.

На первом плане у Лессинга было, однако, его увлечение театром. Есть указания на то, что он сам думал поступить на сцену. Весь свой заработок со статей и переводов он тратил на театр; вместе с Вейссе стал переводить французские и английские драмы и комедии, надеясь получить за это лишь даровое кресло в театре. Благодаря только что упомянутому математику Кестнеру, Лессингу удалось добиться большего: его собственная юношеская комедия «Молодой ученый», окончательно обработанная им по указаниям профессора Кестнера, была вручена г-же Нейбер, которая, к немалому удивлению самого Лессинга, осыпала автора неумеренными похвалами, назвав его предвестником немецкой национальной драмы. Комедия была поставлена на сцене и имела хороший успех, так как в ней был изображен тип, слишком часто встречавшийся в Лейпциге.

Мысль об окончательной обработке очерков, набросанных еще в Мейссене, возникла у Лессинга в 1747 году. Однажды вечером в большом обществе он довольно пренебрежительно выразился о комедии, которую все хвалили. Ему ответили, что порицать легче, чем сделать лучше. «А я берусь написать лучше!» – с живостью сказал Лессинг. В поиске сюжета он стал пересматривать свои старые тетради и вздумал изобразить тип молодого педанта. Размышляя над этой темой, он ухватился за действительное происшествие, давшее ему как раз то, чего не хватало в его прежних набросках – фабулу. В 1747 году Берлинская академия наук должна была присудить премию за лучшее сочинение о лейбницевских монадах (см. биографию Лейбница). Один молодой лейпцигский ученый послал сочинение и заранее хвастал по всему городу, уверяя, что непременно получит премию; к величайшему его разочарованию, сочинение было признано совсем неудачным, а премию получил адвокат Юсти.

Комедия «Молодой ученый» едва ли заслуживает тех преувеличенных похвал, которыми осыпала автора лейпцигская антрепренерша; но если сравнить ее с произведениями Готтшеда и его последователей (даже у такой бездарности, как Готтшед, были свои последователи), то нельзя отказать ей в известных достоинствах. Действие довольно живо, комизм редко переходит в карикатуру.

Слабую сторону у Лессинга составляет изображение слуг – Антона и неизбежной горничной Лизетты. Судя по тому, что известно из мемуаров этого времени, немецкая домашняя прислуга вовсе не находилась в таких интимных отношениях с «господами», как это мы видим у Лессинга. Но если даже допустить, что в этом отношении Лессинг ближе к действительности, чем авторы мемуаров, то все же подражательность, прямое списыванье с французских комедий в данном случае несомненны. Удачнее всего изображены сам молодой педант Дамис и его отец Хризандер.

Конечно, и здесь заметно подражание Аристофану и Мольеру; но при всем том есть и черты, выхваченные непосредственно из жизни, частью даже автобиографические: некоторые рассуждения Дамиса представляют значительное сходство с рассуждениями, некогда изложенными самим Лессингом в письме к отцу. «Tempora mutantur (времена переменчивы)», – говорит Хризандер сыну. – «Прошу вас, – отвечает молодой педант, – бросьте предрассудки толпы. Времена не изменяются. Ибо, позвольте сначала рассмотреть вместе с вами, что такое время?» – «Молчи, – отвечает Хризандер (подобно отцу метафизика у Хемницера), – время — это такая вещь, которой я не стану тратить с тобою на пустую болтовню». Хризандер также не прочь щегольнуть латынью; невольно вспоминается, что отец Лессинга был порядочный латинист, и весьма возможно, что под именем Хризандера он изобразил, главным образом, своего отца, противопоставив его старомодную, но соединенную со здравым смыслом, ученость – узкому школьному педантизму. Подхватив латинскую фразу отца, сын объявляет, что это — изречение, взятое из Гомера. Отцу надоели ученые соображения сына: «Ты и твой Гомер? Вы – пара дураков!» — восклицает он. Это восклицание приводит

юного ученого в телячий восторг. «Я и Гомер? – говорит Дамис. – Гомер и я? Мы оба? Хи-хи-хи! Вот как, отец? О, благодарю, благодарю... Я и Гомер! Гомер и я!...» В наименьшей степени обнаруживается «классический» идиотизм Дамиса, когда он начинает рассуждать о браке и о женщинах; очевидно, что Лессинг, осмеивая в Дамисе отчасти свои же собственные слабости, поступал, как многие великие писатели: из этих отрицательных черт он создавал тип, совершенно отбрасывая то, что в действительной жизни являлось противовесом им. Отняв у Дамиса свой выдающийся ум и способность к критике, Лессинг показал, к чему могла привести тогдашняя классическая школа человека со средними дарованиями: он мог утратить и ту долю ума, которой его наделила природа. Мозг Дамиса, очевидно, не выносит бремени знаний, которыми был напичкан; переварить такую пищу и остаться невредимым мог только мозг самого Лессинга.

Характер Дамиса выдержан от начала до конца. Особенно метко схвачен тот психологический момент, когда молодой ученый узнает о печальной судьбе, постигшей его диссертацию. Берлинский приятель, которому он послал свой труд, не считал возможным даже представить его в академию, так как увидел, что автор не понял предложенной темы. Академия предложила рассмотреть вопрос о монадах с философской и естественноисторической точек зрения, а юный педант сообразил, что надо исследовать грамматический смысл слова «монада», и написал целый трактат о том, как употребляется это слово у разных писателей. Дамис в отчаянии. Он воображает себя непризнанным гением: «О вы, глупые немцы! – восклицает он. – Да, конечно, чтобы ценить по достоинству такие произведения, каковы мои, требуются другие гении! Вы будете вечно пребывать во мраке варварства и останетесь предметом посмешища для ваших остроумных соседей! Но я отомщу за себя! С этих пор я перестану называться немцем. Я покину мое неблагодарное отечество!»

Эта комедия имела на сцене тем больший успех, что главную роль Дамиса играл актер Вольфрам, который, как говорят, был в ней превосходен. Каковы бы ни были недостатки комедии, она пристрастила Лессинга к драматическому творчеству и он узнал свое настоящее призвание.

Зато нельзя сказать, чтобы авторская деятельность сына обрадовала отца. Быть может, злые языки передали отцу, что сын написал комедию, в которой была изображена в таком дурном освещении его домашняя жизнь; и, хотя Лессингу было бы гораздо позорнее играть роль Дамиса, чем отцу его фигурировать под видом Хризандера, старик сильно обиделся и разгневался. Он не мог переварить мысли, что его сын, в котором он видел будущего пастора, яхшается с вольнодумцем Милиусом и «с какими-то актерами и актрисами». Он написал сыну в высшей степени резкое письмо, грозя, что город отнимет у него стипендию, если он не переменит образа жизни. Это письмо взорвало Лессинга. Войдя к своему университетскому товарищу Вейссе, он бросил письмо на стол со словами: «Прочитайте-ка... письмо, которое я получил от моего отца». Вместо ответа отцу Лессинг хотел выставить свое полное имя на театральной афише и разослать ее всем членам городского совета в Каменце. Вейссе уговаривал товарища не горячиться; Лессинг ограничился посылкою письма, в котором старался доказать неосновательность отцовских обвинений. Это было еще до премьеры комедии; успех ее опьянил Лессинга и заставил его забыть о семейных дрязгах.

Какие неприятности приходилось переносить Лессингу из-за сплетен провинциальных кумушек, видно из следующего трагикомического эпизода, случившегося на исходе 1747 года и весьма наивно описанного его братом и биографом Карлом. По случаю рождественских праздников мать Лессинга послала сыну в подарок так называемый штритцель – род сдобного калача. Калач этот был привезен Лессингу одним каменецким купцом, которому вместе с тем было дано поручение «осведомиться тайком о поведении студента». Купец привез домой известие, что Лессинг не только пишет комедии, но и яхшается с комедиантами. Вместе с тем он сообщил матери ужасную весть, что присланный ею штритцель был

съеден Лессингом за бутылкою вина вместе с несколькими комедиантами. Эффект получился действительно трагический. Мать горько рыдала и причитала, уверяя, что сын ее погиб и в этой, и в будущей жизни. Чтобы успокоить расхолодившуюся супругу, отец Лессинга решился на отчаянное средство. Он написал сыну письмо, в котором заклинал его бросить все и немедленно приехать, так как мать будто бы при смерти и желает перед кончиной поговорить с сыном! Этот грубый обман смутил Лессинга: он не знал, верить ли письму, но, конечно, поспешил домой. Родители Лессинга были достаточно наказаны за свою выдумку. Наступили жестокие морозы; мать упрекала и себя, и отца и на этот раз восклицала: «Лучше бы ему сидеть с комедиантами, чем замерзнуть по дороге... Нет, он не придет! В таком обществе не научат повиновению!» Лессинг приехал полузамерзший, посиневший от холода. Мать выдала себя и вместо того, чтобы притвориться больной, бросилась к сыну со словами: «Зачем ты приехал в такой мороз?!» – «Ах, маменька, – ответил Лессинг, – ведь вы хотели этого, и, право, я догадывался, что вы вовсе не были больны. Это меня душевно радует...» Этот ответ так устыдил отца и мать, что они не знали, что сказать. Мирные отношения между родителями и сыном восстановились благодаря этому случаю; ни отец, ни мать не настаивали больше на том, чтобы Лессинг стал богословом, и снисходительно выслушали его, когда он заявил, что желает изучить медицину. Зато Лессингу пришлось выслушать немало длинных нравоучений относительно его увлечения театром. Родители и родственники описывали ему жизнь актеров самыми мрачными красками; впрочем, отец Лессинга был настолько тактичен, что ни разу не обратился к нему с новым требованием прекратить всякие знакомства с театральным миром. Даже о вольнодумце Милиусе отец и мать Лессинга стали говорить только намеками.

Возвратившись в Лейпциг весной 1748 года, Лессинг записался на медицинский факультет; но театр интересовал его более, чем медицина. Курьезно показание самого Лессинга, что из всех аудиторий он прежде всего стал посещать ту, где преподавалось родовспомогательное искусство. Театр он посещал с прежним увлечением и сам попробовал писать трагедии. Первым опытом Лессинга в этом роде была трагедия «Гиангир, или Отвергнутый престол», которую, однако, он не мог довести дальше третьего явления.

Неизвестно, что вышло бы из этого и других драматических опытов, начатых Лессингом. Его писательская деятельность вдруг на время прервалась – вследствие одного неприятного эпизода. Оказалось, что родители были не совсем неправы, предостерегая его от актеров. Лессинг поручился за одного актера, который уехал из Лейпцига после того, как г-жа Нейбер распустила свою труппу; хотя актер нашел место в Вене, но предпочел предоставить Лессинга в распоряжение своих кредиторов. Лессинг попал в отчаянное положение и сгоряча вздумал сам поступить на сцену. Милиус и другие друзья едва уговорили его; но, как только Милиус уехал в Берлин, Лессинг, не сказав никому ни слова, уехал в Виттенберг вместе со своим двоюродным братом, учившимся там в университете и случайно гостившим в Лейпциге. Из Виттенберга Лессинг намеревался отправиться в Берлин.

Глава III

Виттенберг и Берлин. – Новые драматические опыты. – Журнальная работа. – Первое издание сочинений. – Стихотворения и критические письма. – Комедия «Евреи» и трагедия «Сара Сампсон»

Вскоре по прибытии в Виттенберг Лессинг заболел. Это побудило его оставить мысль о поездке в Берлин, и, списавшись с отцом, он получил разрешение остаться в Виттенберге, где снова поступил на медицинский факультет. По-прежнему он вместо медицины занимался философией, изучением классических авторов, статистикой и даже политикой. Что касается драмы, он установил контакт с директором Венского театра и стал писать комедии, из которых успел окончить, да и то впоследствии, одну: «Ненавистник женщин». Сверх того Лессинг написал множество стихотворений, вышедших позднее под общим заглавием «Мелочи», – заглавие, вполне соответствующее их содержанию. Сам Лессинг не слишком серьезно относился к своим лирическим упражнениям. Он издал их без своего имени, причем вместо предисловия оставил пустое место, а под названием «Перечень важнейших предметов» поместил 24 буквы алфавита и в виде «примечания переплетчику» напечатал: «Гравюры подразумеваются сами собою». Гравюр действительно не было помещено.

Материальное положение Лессинга в Виттенберге было весьма плохое, и, узнав, что его приятель Милиус был приглашен редактировать газету, издателем которой был Рюдигер, он решил оставить Виттенберг и поехал искать счастья в Берлин. Милиус принял Лессинга с распростертыми объятиями и позаботился о нем лучше, чем его собственные родители, постоянно роптавшие о вольнодумстве Милиуса. Он буквально одел оборванного юношу и пристроил его у своего издателя в качестве библиотекаря. Это была весьма приятная должность для Лессинга. Сверх того, в редакции газеты Лессинг имел возможность читать вновь выходящие книги, и ему стали поручать составление рецензий. Вскоре, однако, газета закрылась. Милиус, имевший особое пристрастие к журналистике, взялся сам издавать газетку, которая, однако, занималась лишь городскими сплетнями и скандалами. Лессинг поместил в этой газете лишь один рассказец – «Отшельник». В то же время ему удалось написать и поставить на сцене комедию «Старая дева».

Известие о переселении Лессинга в Берлин поразило его родителей, как громовой удар. Отец даже не ответил ему на письмо, а мать в своем послании осыпала его жесточайшими упреками, объявив, что если он не приедет тотчас в Каменц, то не получит обещанного платья. К этому были присоединены упреки в непочтении, недостатке любви к родителям и в том, что им приходится платить его долги. Вслед за этим отец прислал сыну категорическое приказание немедленно приехать домой. Лессинг не повиновался. Тогда отец обратился к Рюдигеру с письмом, в котором осыпал бранью бедного Милиуса, утверждая, что тот развратил и погубил его сына. Письмо это попало в руки зятя Рюдигера, Фосса, который поспешил его уничтожить. Лессинг ответил сначала матери, потом отцу; письма его были в высшей степени сдержанны и тактичны; но родители не поверили сыну. Отец отвечал ему новым письмом, в котором упрекал сына в упорстве, советовал ему почитать Бога и родителей, не писать комедий и изменить беспорядочный образ жизни. На эту новую отцовскую филиппику Лессинг ответил письмом, в котором пишет между прочим следующее:

«Не понимаю, почему сочинитель комедий не может быть хорошим христианином. Сочинитель комедий – это человек, который изображает порок с его смешной стороны. Разве христианин не вправе осмеивать пороки? Разве пороки заслуживают такого великого почтения? А что, если я обещал бы Вам написать такую комедию, которую господа богословы должны будут не только прочесть, но и похвалить? Считаете ли Вы это невозможным? Что,

если я написал бы комедию на вольнодумцев и на людей, презирающих Ваше сословие? Я знаю, что Вы не вычеркнули бы из нее ни одного резкого выражения».

Это не были пустые оправдания, Лессинг сумел найти комическую сторону и у тогдашних вольнодумцев: тип этот вскоре был воспроизведен им. Но отец иначе понял письмо сына и в своем новом ответе повторил всевозможные сплетни, какие распространялись в Каменце относительно Милиуса. Это, наконец, взорвало Лессинга, который понял, что в данном случае отец пишет под диктовку матери. Он ответил вообще сдержанно, но не мог не высказать своего справедливого подозрения; не желая, чтобы мать прочла неприятные для нее строки, Лессинг написал эту часть ответа по-латыни. Письмо подействовало, и с тех пор в родительских посланиях о Милиусе не было ни слова...

Таким образом, на первых порах Лессинг решил остаться в Берлине и снова обратился к драматической деятельности. В прусской столице немецкая драма не пользовалась почетом. Король Фридрих II ничего не хотел знать о немецком театре, покровительствуя исключительно итальянской опере и французской драме. Существовавшая тогда в Берлине труппа Шёнemann не пользовалась даже посредственным успехом. При таких обстоятельствах неудивительно, что Лессинг занялся переводами французских трагедий и даже сочинением либретто для комических опер. В то же время им, однако, были написаны комедии «Вольнодумец» и «Евреи», из которых первая возникла под влиянием переписки с отцом и знакомства с Милиусом, вторая же, имеющая более серьезное значение, составляет плод его знакомства с еврейским реформатором Мендельсоном. Значительную часть времени Лессингу приходилось затрачивать на тяжелую журнальную и переводную работу: среди прочего, по заказу Рюдигера, он переводил «Римскую историю» Роллена, изучал испанский и итальянский языки и вместе с Рюдигером редактировал газету, посвященную истории и современному состоянию театрального искусства. Широко задуманная Лессингом трагедия «Гении», к сожалению, осталась неоконченной. Каковы были материальные обстоятельства Лессинга в это время, видно из его собственного заявления, что он «сытно обедал на полтора гроша». Пребывание в Берлине принесло Лессингу между прочим и ту пользу, что в этом городе, где все сколько-нибудь «порядочные» люди говорили по-французски, он научился французской разговорной речи, которую постиг настолько, что начал писать французскую комедию. Вместе с тем он превосходно понял мишурную сторону тогдашней образованности и постиг, какого рода французы наводняли Берлин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.